

Жрица

Повесть

В КЛАССЕ ШУМНО. Я даже своих мыслей не слышала, какое уж тут чтение. С раздражением захлопнула книгу, огляделась. Настя полулежала на парте, в ушах у неё были наушники, гитарное соло Muse прорывалось через гул голосов одноклассников. Подруге сейчас всё по барабану. Миша выдумал новое развлечение — он бегал между рядами парт на корточках, бил всех ручкой по ногам и кричал: «Я магистр Йода! Я магистр Йода!». Катя и Ира смотрели фильм на планшете. Я уже собралась пересесть к ним, но тут в кабинет вошёл завуч и какая-то незнакомая женщина. Сергей Юрьевич поправил очки и громко сказал:

— Так, я не понял.

Одноклассники наконец заметили его, гул быстро сошёл на нет. Я легонько пихнула Настю в бок. Она приподнялась, огляделась, потом вытащила наушники и села прямо.

— Почему это у нас так шумно? Тищенко, встань с пола.

Миша беспрекословно пересел за парту.

— В других кабинетах, вообще-то, уроки идут, — продолжил Сергей Юрьевич, — а вас

ещё со второго этажа слышно. — Завуч опять поправил очки. — Ну ничего, халява закончилась. Птица обломинго прилетела. Я нашёл учителя ОБЖ, — он указал рукой на стоявшую рядом с ним женщину. — Знакомьтесь, ваш новый преподаватель — Аврора Александровна Ивановская. Лейтенант медслужбы в отставке.

— Старший лейтенант медслужбы, — поправила Аврора Александровна.

— Старший лейтенант, простите, — кивнул Сергей Юрьевич. — Дети не очень сложные, думаю, вы справитесь. Только приглядывайте за этим молодчиком, — он указал на Тищенко.

На секунду я подумала, что Аврора Александровна ответит: «Так точно», но она просто кивнула. Дроздов вышел. Аврора Александровна прошла туда-сюда перед доской и села за учительский стол. С минуту мы изучали её, а она — нас.

Аврора Александровна была чуть полноватая, но высокая. Чёрные волосы, собранные в пучок, зелёные глаза, крупный нос и широкие скулы. В ушах серёжки-жемчужинки, на шее серебряная цепочка, спускающаяся в вырез блузки.

Аврора Александровна казалась немного растерянной. «И что же с вами делать, олухи?» — читалось в её взгляде. Она поправила чёлку и сплела пальцы, положив на них подбородок.

— Какую тему вы сейчас проходите?

Ответил Миша:

— Никакую. Уроков же не было.

— И что? Вы все полгода бездельничали? Не может такого быть. Вам должны были ставить замены или что там... — она неопределённо махнула рукой.

— Замены были, — сказал Тищенко. — Но на них мы обычно смотрели фильмы.

— Фильмы. Ясно, — Аврора Александровна огляделась, увидела наш классный журнал. — Тогда давайте для начала проведём переключку.

Она достала из сумки футляр и ручку, надела очки, потом открыла журнал.

— Андреева.

— Я.

Аврора Александровна пристально всматривалась в каждого ученика, будто фотографируя. Кстати, она впоследствии ни разу нас не путала и не делала ошибок в ударениях. За что отдельное ей спасибо, достало уже...

— Тищенко.

— Аз есмь! — весело откликнулся Миша.

Аврора Александровна также всматривалась в него секунды три, потом повторила:

— Тищенко. А у нас в части был один Сыщенко. Глуповатый мужик. И ужасный трус. Я однажды спросила у него, как пишется его фамилия — через одну или две «с»? Он обиделся, до самого дембеля со мной не разговаривал...

Раздалось несколько робких смешков.

Аврора Александровна закончила переключку и сказала:

— Доставайте учебники.

— У нас нет с собой учебников, — почти хором ответили мы.

— Просто прекрасно, — проворчала она. — И что мне с вами делать ещё пятнадцать минут?

— Давайте постреляем, — предложил Миша.

— Что?

Её брови взлетели и исчезли под чёлкой.

— Ну, у нас программа есть на компьютере — электронный тир.

— Хм... — Аврора Александровна на мгновение задумалась. — Ладно, валяйте. Будем считать, что сегодня вводный урок. Только как...

— Я сейчас всё настрою, — Глеб, наш главный программист, включил проектор и оттеснил Аврору Александровну от компьютера. С минуту поковырялся в папках. — Вот, пожалуйста.

Парни и несколько девушек встали в очередь. Каждый делал по пять выстрелов, потом уступал место товарищу. Остальные занялись своими делами. Настя слушала музыку, пропу-

стив наушники под толстовкой и прикрыв провод волосами. Я хотела почитать, но потом решила не рыпаться. Аврора Александровна наблюдала за учениками, скрестив руки на груди. Она немного расслабилась, теперь её взгляд стал снисходительно-насмешливым.

Когда до конца урока оставалось минуты три, Миша спросил у неё:

— А вы умеете стрелять?

— Нет, что ты.

— Да ладно. Покажите нам класс.

— Юрий Анатольевич в прошлом году стрелял с нами, — добавил Глеб.

— Пожалуйста, пожалуйста, — подхватили остальные.

Аврора Александровна вздохнула, взяла у Миши пистолет. Её лицо дрогнуло и застыло как маска. В глазах уже ничего нельзя было прочесть. Она сглотнула и сказала, будто обращаясь к самой себе:

— Под Макарова.

Аврора Александровна отошла подальше, прикрыла левый глаз и уверенно нажала на спусковой крючок. Я посмотрела на проекцию. Все пять движущихся мишеней поражены точно в центр.

— Вот, как-то так, — усмехнулась Аврора Александровна, кладя пистолет на стол.

Прозвенел звонок с урока.

— Чтобы в следующий раз у всех были учебники, — она, даже не напрягаясь, перекрыла поднявшийся гул. — Как там сказал ваш завуч? Халява закончилась? Он прав. И выключите кто-нибудь это...

* * *

Я думала, что увижу Аврору Александровну только в следующий понедельник, на уроке, но мы встретились раньше.

По расписанию третьим уроком в пятницу значилась история. Класс почти в полном составе сидел и ждал, а учитель всё не появлялся. Какое же было моё удивление, когда в кабинет вошла Аврора Александровна.

С минуту в помещении висела настороженная тишина. Первым подал голос Миша:

— Здравствуйте. Э-м-м... У нас вообще-то история сейчас.

— Татьяна Валерьевна заболела, так что я её замену.

Аврора Александровна прошлась несколько раз перед доской — это привычка, судя по всему, — потом спросила:

— Что вы сейчас проходите?

— Брежнева, — ответил кто-то.

— Ясно.

На её лице появилось то самое выражение: леденящее безразличие, взгляд тяжёлый и отсутствующий. Точно как в понедельник, когда ей пришлось взять в руку пистолет.

Аврора Александровна взяла с учительского стола учебник, полистала его, немного помолчала и, наконец, сказала:

— Не хотелось бы о нём рассказывать, — и добавила вполголоса: — Не люблю его.

— Тогда, может, просто посидим? — с надеждой предложила Вика.

— Ну, не знаю...

Интересно, о чём она сейчас думает? Наверное, колеблется между неприязнью к генсеку и необходимостью провести урок. С одной стороны, мол, это всего лишь замена, но с другой — не повод позволять детям бездельничать.

— Пожалуй, я расскажу вам о чём-нибудь другом.

Аврора Александровна опять несколько раз прошлась туда-сюда.

— Конечно, я не претендую на звание историка...

Её взгляд упал на доску, где были развешаны карты, оставшиеся с прошлого урока, и она осеклась. Некоторое время Аврора Александровна разглядывала изображение Южной Месопотамии, потом произнесла:

— «Его кирпичи не обожжены ли, и заложены стены не семью ль мудрецами»? Как вы думаете, о чём эти строки?

— Урук, — тихо сказала Света.

— Что? — удивлённо переспросила учительница.

Света смутилась и промолчала.

— Повторите, пожалуйста, еще раз, — настаивала Аврора Александровна.

— Урук, — уже уверенней и громче ответила подруга. — Город шумеров. Это цитата из «Эпоса о Гильгамеше».

— Правильно. Если честно, я не думала, что школьники знают это произведение. Похвально, — Аврора Александровна улыбнулась. — Вижу, знаниями по Древнему Востоку вы обладаете. Давайте поговорим о чём-то более приближенном к нам по времени и пространству. Например... о государствах Среднего Востока.

— Вы когда-нибудь были там? — поинтересовалась Вика.

— Да, мне... доводилось бывать в горах, — Аврора Александровна нервно сглотнула. —

Так что я запомнила некоторые традиции, обычаи и могу кое-что рассказать. На оставшееся время, думаю, хватит. С чего бы начать... Наверное, со свадьбы. Для вас это уже может звучать дико, но традиция воровать невесту до сих пор в ходу...

* * *

Звонок прервал Аврору Александровну на середине фразы.

— О, урок уже окончен, — кажется, она была удивлена этому. — Ну, поздравляю, вашим мучениям тоже конец. Свободны.

— До свидания, — хором ответил класс.

Потом кабинет наполнился звукомдвигающихся стульев, разговорами, в общем, обычной ученической вознёй. Занятие получилось интересным, хотя и сумбурным. В холл мы с друзьями выползли ошалелые и загруженные новой информацией по самые макушки. Всё это требовалось переварить, неудивительно, что беседа возобновилась не сразу.

— Любопытно, — сказала Настя. — Александровна, оказывается, настоящий знаток Востока.

— Ну, естественно, она многое знает, — я пожалала плечами, — раз была там.

— Стоп! У меня появилась гениальная идея!

Все с интересом повернулись к Мише.

— Аврора Александровна жила на Востоке долгое время, очень-очень долгое, ещё с Урука. На самом деле ей больше двух тысяч лет. Она видела, как сменялись эпохи, исчезали государства... — и добавил шёпотом: — Думаю, она была жрицей.

— Ага, — сказала Света. — Ты в своём репертуаре. Ладно, пойдёмте в столовую? От перемены осталось десять минут, а нам бы ещё пообедать успеть.

— М-м-м, а там ведь могут быть лишние порции, — оживилась Настя.

— Кстати, — поинтересовалась у меня Света, — ты вроде сегодня собиралась в театр?

— Да, на «Трёхгрошовую оперу». Уже пятый раз иду на этот спектакль.

— Ну вы вообще тёмные, — не мог угомониться Миша. — Жрица. Клёвое ведь прозвище, а? Да, пожалуй, так и буду её называть — Жрица.

Прозвище это не прижилось. Ученики окрестили её Крейсер Аврора, по ассоциации с именем и за жёсткий характер. Только Миша продолжал держаться за свою идею. Да и то, навер-

ное, из чистого упрямства. Не знаю почему, но мне тоже больше нравилось называть её Жрицей. Было в этом слове что-то необычное, звонкое, как лязг металла, и в то же время мягкое. Собственно, как и в характере Авроры Александровны. Но, опять же, я предпочитала не спорить по этому поводу.

* * *

Я нанесла ещё один мазок красного блеска, придирчиво проверила не осталось ли следов на зубах и закрыла сумочку. Глубокий вдох, выдох. Не надо волноваться, всё обязательно будет хорошо. Не в первый раз, в конце концов.

Спектакль прошёл просто замечательно (а разве могло быть иначе?). Я подарила ей неизменные белые розы, она поблагодарила и, уходя со сцены, помахала букетом, высоко подняв его над головой. Зрители постепенно расходились, для них всё закончилось, но для меня самое важное только начинается. Я подхватила вещи и вышла на улицу.

Служебный вход в театр находился слева от основного. Каждый сантиметр этого пространства, каждый камешек брусчатки под ногами, каждая афиша на стене были изучены мной до мельчайших подробностей. Ещё бы, за всё время ожидания-то. Что-что, а ждать я умею. По несколько часов стоять на улице без надежды на результат и, в общем-то, без особого смысла. Прямо-таки Хатико — русская версия. Ждатико.

Я ещё раз заглянула в сумку проверить сохранность подарка, будто он мог куда-то испариться. Конечно же, блокнот лежал на месте. Милая вещичка, бежевый, стилизован под медицинскую карточку. На первой странице надпись а-ля чернилами от руки: «Диагноз: гениальность». Оригинально и с юмором, надеюсь, ей понравится.

Я немного походила, разминая уставшие ноги, и посмотрела на экран мобильного. Время неумолимо приближалось к двенадцати. Уже стемнело, все разошлись. Надежда стремительно таяла, как льдинка на солнцепёке. Я вздохнула. Так, ладно, видимо, сегодня не судьба. Может быть, она давно уехала. В любом случае уже поздно, она устала, ей сейчас явно не хотелось бы общаться.

Я пошла к метро. Ладно, сегодня мне не удалось вручить подарок, не велика беда. В конце концов, будет ещё много спектаклей и много шансов. Очень много шансов...

* * *

Понедельник я ждала с любопытством. Первый урок ОБЖ был вводным, ознакомительным, так что его можно в расчёт не брать. Интересно, о чём расскажет Аврора Александровна на этот раз?

— Ты учебник взяла?

— Что? — не сразу сообразила я. Слишком резко меня выдернули из мыслей.

Настя со вздохом закатила глаза и медленно повторила:

— Ты. Учебник. Взяла?

— А, да, да.

Достала из сумки книгу и положила её на середину парты.

— Фуф, это круто. А то у меня из головы вылетело, если честно, — Настя смущённо почесала переносицу.

Мы немного помолчали.

— Классная футболка, — заметила я.

— Спасибо.

— «I love London»? Не слишком-то патриотично, — подключилась к разговору сидевшая за соседней партой Света.

Настя фыркнула и закатила глаза.

— Подумаешь. Нет, я, конечно, могла купить футболку с Путиным, но она стоит тысячу рублей.

— Да, — я покачала головой, — дорог нынче патриотизм.

В эту минуту в класс вошла Ивановская.

— Здравствуйте, Аврора Александровна, — хором поприветствовали её мы.

— Добрый день. Садитесь, садитесь, — она махнула рукой. — Начнём наш первый серьёзный урок.

— Мы принесли учебники, — Миша поднял книгу и помахал ею в воздухе.

— Замечательно, — Аврора Александровна улыбнулась. — Но мы будем сегодня работать не по ним. Итак, тема занятия — правила первой помощи.

Учительница вывела три стула и поставила их в ряд у доски.

— Итак, первая помощь, — повторила она. — Тема чрезвычайно важная. Это не абстрактные навыки вычисления интегралов, такие знания могут пригодиться вам в любую минуту. Вы должны быть готовы ко всему, что вывалит на вас жизнь. Поэтому, думаю, будет не лишним немного потренироваться. Мне нужен помощник. Например... — Аврора Александровна обвела класс цепким взглядом и остановилась на Мише. — О! Ты, активист, иди-ка сюда.

Миша вышел к доске.

— Ты будешь у нас играть роль пострадавшего. Садись. А оказывать тебе помощь станет... Вот девушка на второй парте. Светлана, да?

— Да, — Света встала и приблизилась к ним.

— Отлично. Приступим. Слушай вводную.

Света напряглась, приготовившись к действиям.

— Ситуация такая. У Михаила осколочная рана правой ноги, обильное кровотечение. Кровь ярко-алая, бьёт толчками. Раз, два, три, действуй!

Аврора Александровна нажала кнопку секундомера. Светка бросилась к шкафу за аптечкой, бормоча:

— Ярко-алая, толчками, значит, кровотечение артериальное. Первым делом нужно прижать артерию.

Она попыталась двумя пальцами надавить на Мишину ногу.

— Кулаком, — поправила Аврора Александровна, — кулаком пережать подколенную область и согнуть ногу в колене. Ладно, я прижимаю артерию, твои дальнейшие действия?

— Наложить жгут. Но сначала обернуть ногу марлей до места кровотечения.

Света попыталась открыть аптечку. От волнения у неё тряслись руки, медикаменты веером разлетелись по полу. Она стала их поднимать, но потом передумала и бросила. Быстро обернула ногу Миши марлей.

— Так... Жгута нет. Нам подойдёт... эм-м-м... точно, ремень! — Светка вытащила ремешок из юбки. — Выше раны.

— Не там накладываешь, — поправила Аврора Александровна. — На средней трети бедра.

Света принялась переделывать. Она несколько раз обернула ремень вокруг ноги и со вздохом встала.

— Всё. Осталось положить под жгут записку с временем наложения.

— Стоп, — учительница нажала кнопку. — В целом нормально, но... четыре минуты.

Она продемонстрировала всем секундомер.

— Это... плохо? — неуверенно протянула Света.

— Первую помощь нужно оказать в течение первых трёх, если повреждена крупная артерия — первых двух минут. Если этого не сделать, давление крови падает, человек теряет сознание, может наступить кома или даже... смерть.

Миша обмяк на стуле, закрыв глаза и вывалив язык.

— Извините, — Света вздохнула. — Я знаю теорию, просто у меня плохо получается действовать в нестандартных ситуациях. Всё так неожиданно, быстро, я теряюсь...

— Верю, что знаешь. Поэтому я и решила устроить тренировку. В реальности ведь — вот незадача — всё тоже происходит неожиданно и быстро. Только у тебя далеко не всегда даже такая аптечка под рукой будет. На моих глазах истекал кровью не один человек. Поверьте, мне было очень страшно, но я должна была пересилить себя. А знаете, что помогало собраться?

Аврора Александровна сделала глубокий вдох и медленный выдох.

— Выглядит банально, но это работает. Даже в самом центре... событий время будто останавливалось, и я успевала справиться со всем. Ладно, думаю, тебе стоит ещё потренироваться. Только пострадавшего другого возьми. А ты выходи из образа, болезный.

Миша открыл глаза и принялся развязывать ремень. Тут в кабинет вошёл Сергей Юрьевич.

— Аврора Александровна, — кивнул он. — Извините, можно вас на пару слов?

— Конечно.

Они вышли в коридор. Ученики сразу ослабились и принялись активно переговариваться.

— Интересно, — сказала я Насте, — что такое секретного он должен ей сообщить?

Подруга только пожала плечами.

Миша наконец распутал марлю, отдал ремешок владелице и вернулся за парту. Светка, воспользовавшись отсутствием учительницы, боком переместилась к своему месту, села и прикинулась ветошью. Наверное, ей не очень-то хотелось тренироваться, и она надеялась, что про неё забудут. Но не тут-то было. Аврора Александровна вернулась и первым делом спросила:

— Светлана, а что это ты села? Мы ещё не закончили. Иди сюда, сейчас будем спасать следующего пострадавшего. Итак, Саакян, открытый перелом руки.

* * *

Во вторник был урок биологии. Погода стояла прекрасная, за окном ярко светило солнце. Я внимательно слушала, время от времени записывая. Тут в сумочке завибрировал мобильный, оповещая о полученном СМС. Было довольно тихо, поэтому сигнал отчётливо прозвучал на весь кабинет. Учительница мельком взглянула на меня, но ничего не сказала. Я при-

кусила губу и полезла в сумочку за телефоном. Чёрт, как неудобно. Интересно, от кого это? Украдкой посмотрела на экран. Настя! Ну, я ей на переменке уши надеру. Зачем присылать сообщения прямо на уроке? Что там может быть такого важного? Я нажала на мигающий конвертик. В эсмэске было всего четыре слова: «М. Г. сегодня умерла».

На секунду появилось ощущение, что меня ударили кулаком под дых. Я резко вдохнула. Что? Но... Нет, не может быть. Наверное, здесь какая-то ошибка. Точно, Настя всё перепутала. Но мне нужно быть уверенной. Как это проверить? Идея. Она известная актриса, так что, если бы с ней действительно что-то случилось, эта новость уже висела бы в Интернете. Я открыла «Яндекс» и стала просматривать новости. Не то, не то, не то... «М. Г. погибла в автокатастрофе». Второй удар оказался уже не таким сильным, можно сказать, лёгкий толчок.

— Ольга, — слышу строгий голос преподавательницы. — Убери телефон. Лучше расскажи...

— Что? Что вам надо? Её больше нет, как вы не понимаете!

Размахиваюсь и швыряю мобильный об доску. От столкновения он раскрывается, корпус летит в одну сторону, аккумулятор — в другую, крышка — в третью...

— Ольга! Убери телефон. Лучше расскажи первый закон Менделя.

— Эм... — я посмотрела на преподавательницу, быстро запихивая мобильный обратно в сумочку. — При моногибридном скрещивании всё потомство будет единообразным — доминантным — по данному признаку.

— Правильно. Итак...

Учительница продолжила рассказывать, я отвернулась к окну. Внутри поселилось ощущение пустоты, словно только что какая-то часть меня исчезла навсегда. Окружающий мир отодвинулся, всё происходящее по ту сторону воспринималось с запозданием. А на улице по-прежнему светило солнце.

* * *

На следующий день во время большой перемены мы сидели в столовой. Друзья пристально смотрели на меня, я старалась не замечать их сочувствующих взглядов. Понимаю, они хотят помочь, но из-за их излишнего внимания я чувствую себя больной или что-то вроде того. Будто сама могу кони двинуть в любую минуту. Ага, куда там...

— Ты как, в порядке? — поинтересовалась Настя, подтверждая мои умозаключения.

— Да.

Я вяло ковырялась в тарелке. Аппетита не было вообще.

— Скажи это своему пюре из котлеты, — подключился Миша.

Хм, да, по ходу с едой действительно перестаралась. Я отложила вилку. Блин, конечно, ничего не в порядке. Но зачем вываливать мои проблемы на друзей? Они и так стараются, как могут. Миша постоянно пытается меня развеселить.

— Ой, такой прикол слышал недавно! Короче, это стишок-пирожок. «Енот с неправильным окрасом не может выжить больше дня. Его застирывает насмерть родня». Хах, угар, да?

И да, у него это не особо получается. Настя стала буквально воплощённой заботой и предупредительностью.

— Хочешь, я тебе чаю принесу? Или булочку? Ты должна выговориться. Может, набухаемся на выходных? Давай сбежим с урока.

Света ничего не говорила, она просто была рядом. Да, мне очень приятно, что у меня такие верные и понимающие друзья, но легче от этого не становилось. Каждый раз на их «Ты в порядке?» хотелось ответить: «Нет. У меня внутри пусто. Будто потеряна цель, ориентир. Она была моим смыслом, понимаете? И становится немного страшно, потому что каждый раз, когда я смотрю в будущее, то вижу лишь череду серых дней на много лет вперёд (жить мне по закону подлости до семидесяти, не меньше). Вот такая вот фигня». Но это слишком долго, запутанно, слюняво и пошло, поэтому я просто говорила:

— Всё в порядке. Да.

Конечно, я понимала, что рано или поздно всё изменится. Мне просто нужно было найти новый смысл. Забавно, я размышляла об этом, а смысл тем временем спокойно доедал винегрет за соседним столиком.

* * *

После уроков мы зашли к нашей преподавательнице Елизавете Максимовне. Она очень лёгкая, непосредственная, ученики общаются с ней почти как с приятельницей. Вот и мы частенько заглядываем в гости.

Елизавета Максимовна усадила меня, взяла за руку, внимательно заглянула в глаза:

— Как ты?

— Нормально.

Я настороженно посмотрела на неё. С чего бы такие вопросы? Я ей ничего не говорила. Неужели друзья сдали?

— Знаешь, — продолжала Елизавета Максимовна, — Вселенная часто проверяет нас на внутреннюю силу, на прочность веры...

Опять завела эту шарманку.

— Тебе было послано серьёзное испытание. Ты должна пройти этот урок, извлечь из него опыт и идти дальше.

Да-да, именно поэтому я ничего и не рассказывала. Мне захотелось схватить её за плечи и трясти, трясти, трясти, пока вся дурь не вылетит из головы. Какие, к чёрту, испытания? Вы серьёзно? Может, хватит уже возводить вокруг себя зеркальные стены иллюзий? А Елизавета Максимовна всё вещала. Так, если она ещё хоть раз произнесёт слово «урок», я точно чем-нибудь в неё брошу.

К счастью, в дверь постучали.

— Елизавета Максимовна, вы свободны?

В кабинет заглянула Аврора Александровна.

— Да, входите.

— Мне нужно... кое-что спросить, не уделите пять минут?

— Конечно. Прости, Оля, договорим в следующий раз, хорошо?

Я через силу кивнула и чуть ли не бегом вылетела в коридор. Как же вовремя пришла Аврора Александровна. Итого, счёт: я — один, Елизавета Максимовна со Вселенной — ноль.

* * *

Время шло очень медленно, но всё-таки шло. Днём было почти что некогда предаваться грустным мыслям — учёба, подготовка к поступлению и выпускному, постоянное внимание друзей. А вот ночью... Об этом лучше и не говорить.

Примерно через месяц я впервые увидела Аврору Александровну другими глазами. Честно, сама не знаю, как это произошло. Вроде бы ничего не изменилось, но в один из понедельников что-то внутри сдвинулось, щёлкнуло, переключилось, и...

Вечером я сидела дома на диване с ноутбуком на коленях, разглядывая фото Авроры Александровны на сайте школы. Чёрные волосы, зелёные глаза, длинный нос — почему теперь при взгляде на неё сердце начинает биться чаще? Всё приобрело какой-то новый, неведомый смысл. Фигура, громкий голос, эти чёртovsky серёжки-жемчужинки... Я прекрасно знаю, что это значит. С ней было точно так же.

— Нет, — я решительно захлопнула крышку ноутбука. — Нет, нет, нет. Иди ты знаешь куда, Вселенная, со своими уроками?

Вселенная безмолвствовала. Пальцы между тем, почти не повинаясь моей воле, открыли ноутбук, провели по экранчику сенсорной мыши. Да кого я обманываю...

На следующий день после занятий мы опять сидели у Елизаветы Максимовны в кабинете, пили чай. Ко мне и урокам разговор, к счастью, больше не возвращался.

Я думала об Авроре Александровне. Что же всё-таки делать? Сценарий, в принципе, известен. Мне захочется общаться с ней, потом станет сложно не видеть её даже несколько дней. Только всё это заранее обречено на провал.

— О чём ты думаешь? — поинтересовалась Света.

— Да так, — я отпила чаю. — Как вы считаете, с чего можно начать общение с человеком?

— Смотря кого ты имеешь в виду, — веско заметила Елизавета Максимовна.

— Ну... Аврору Александровну.

— Жрицу, серьёзно? — оживился Миша.

Я гордо промолчала.

— Попробуй найти с ней общие темы для разговора, — посоветовала учительница.

— Но... Я ведь ничего о ней не знаю.

— Дай подумать... — Елизавета Максимовна чуть прищурилась. — Она рассказывала нам о себе, но немного. Так... Фрагментарно. Я знаю, что Аврора Александровна служила в военном госпитале, принимала участие в боевых действиях. Кажется, она была в Афгане.

— В Афганистане? — повторила я.

— Да. Ну... в общем-то, всё.

— Негусто, — я покачала головой. — А вы, случайно, не замечали, она... ну...

Я побарабанила по безымянному пальцу.

— Замужем ли она? — правильно расшифровала мой жест Настя. — Да. Во всяком случае, обручальное кольцо у неё есть, я видела.

— Понятно.

— Зачем тебе с ней общаться? — снова вклинился Миша. — Ты рехнулась?

— Нет. Просто так. Преподаватель она хороший.

Ага, если повторять это достаточно часто, возможно, я даже сама поверю.

* * *

Как ни странно, друзья меня поддержали. Настя и Миша были удивлены, но смирились.

Начало операции «Аврора» было назначено на понедельник. Первым делом я решила принести яблоко. А что, вполне милый подарочек, вкусно и полезно.

На перемене мы стояли возле кабинета ОБЖ.

— Ну что, захватила подношение Жрице? — съехидничал Миша.

— Отстань, — огрызнулась я, — и так волнуясь.

— Да ладно, будто она может тебе руку откусить. Ну, ты здесь до второго пришествия собираешься стоять? Чего не заходишь?

— А вдруг она занята?

— Так, понятно всё с тобой.

Миша постучался, резко открыл дверь и чуть ли не впихнул меня в кабинет.

Аврора Александровна сидела за столом, заполняла журнал. Услышав возню, она обернулась и с удивлением посмотрела на меня.

— Здравствуйте, — пискнула я.

— Здравствуй. Ты что-то хотела?

— Да. Я... Это... Вот, — я положила подарок перед ней на стол. — Яблоко. Это яблоко.

— Мне? — Аврора Александровна взяла его в руки. — Спасибо.

— Ага. До свидания.

Я вышла из кабинета. Миша беззвучно ржал, держась за живот.

— Быстро, — я схватила его за плечи, — она ещё смотрит? Ну?

Друг заглянул в открытую дверь и усмехнулся:

— Смотрит.

— Как?

— С полнейшим офигением. Да расслабься, всё нормально. Слушай, ты у нас, оказывается, Цицерон.

— Отвали.

Я пошла по коридору.

— Серьёзно, — Миша не отставал. — Яблоко — это яблоко! Гениально, браво!

— Отвянь, говорю, — я пихнула его в плечо.

Миша рассмеялся.

— А если серьёзно, не понимаю, на фига она тебе сдалась?

Ох, я обязательно объяснила бы тебе... если бы сама что-нибудь понимала.

* * *

В надежде хоть немного пообщаться с Авророй Александровной я притащила друзей к кабинету в самом начале перемены. Мы устраи-

лись за партами. Из учеников, кроме нас, в комнате никого не было — предыдущий класс уже ушёл, наши ещё не появились. Аврора Александровна сидела за учительским столом, что-то писала, теребя в левой руке цепочку.

Отличный шанс начать разговор. Так. Я глубже вдохнула и... промолчала. Не могу. Не могу, и всё тут. Настя кашлянула и выразительно посмотрела сначала на меня, потом на Аврору Александровну. Я покачала головой. «Поговори с ней!» — прошипела подруга. «Она занята!» — ответила я одними губами и изобразила, будто пишу в воздухе. Настя закатила глаза и хлопнула себя по лбу.

Неизвестно, сколько бы ещё продолжался такой диалог, но тут послышался звук, словно что-то отскочило от стола, упало и покатилося по полу. Аврора Александровна ойкнула. Я обернулась и увидела недалеко от моей парты кольцо. Похоже на золотое, без камня, широкое, судя по всему, мужское. Я подняла его и отдала Авроре Александровне.

— Спасибо, — она улыбнулась. — Замок на цепочке сломался, плохо держит. Нужно купить другую, не хотелось бы потерять обручальное кольцо мужа.

— А?..

— Мой муж умер, — правильно расценила моё замешательство Аврора Александровна.

— Ой, простите.

— Ничего.

Она убрала кольцо в сумку и встала.

— Вы прекрасно выглядите сегодня, — ни с того ни с сего ляпнула я.

— Спасибо, — ответила Аврора Александровна чуть удивлённо. — Пойду отнесу журнал в кабинет завуча.

Она вышла из класса. Я с видом победителя вернулась за парту.

— Вот, мы поговорили.

— Ну да, по сравнению с «яблоко — это яблоко» уже большой прогресс, — фыркнул Миша. — И всё равно не понимаю, чего ты от неё хочешь? Зачем она тебе?

Я вздохнула. Этот вопрос не давал покоя и мне. После долгих раздумий в голову пришла любопытная мысль: Аврора Александровна для меня нечто вроде замены. Я уже настолько привыкла, что в моей жизни присутствует человек, один вид которого делает меня счастливой. Она занимала все мысли, было так приятно делать ей подарки. А потом... Всё это закончилось. Конечно, Аврора Александровна никогда не сможет заместить её. Но и жить без этой цели уже

невозмогу. Поэтому так хочется подойти, приобнять за плечи и сказать: «Дорогая Аврора Александровна, не могли бы вы, пожалуйста...». Побить моим смыслом жизни? Очень надо.

* * *

На большой переменке мы, как всегда, пришли в столовую. Народу было много, оказались заняты все места, кроме одного — перед столом, за которым традиционно сидели учителя. Я, Настя, Света и Миша устроились рядком, спиной к учительскому столу, и принялись за еду. Друзья болтали о чём-то, я просматривала новости на «Яндекс». Поначалу ничего интересного не попадалось, но потом кое-что привлекло моё внимание.

— Эй, — позвала я, — вы знаете, какой сегодня день?

— Пятнадцатое февраля, — Настя пожалала плечами. — А что?

— Нет, я имею в виду не число, а именно день?

— И какой же? — поинтересовался Миша.

— Сегодня двадцать пять лет со дня вывода войск из Афгана.

— М-м-м, понятно, — промывчала Настя.

Мы со Светой переглянулись. Подруга пожалала плечами и продолжила есть. Я подождала немного, но все молчали. Пришлось говорить самой:

— Большая дата, да?

— Ей, — вяло произнесла Настя. — Безудержная радость и всё такое. Передай мне хлебушек.

— Можно было бы проявить больше уважения, — буркнула я, потихоньку начиная сердиться.

— Как? — парировала Настя. — И зачем? Ладно, я понимаю, семьдесят пять лет со дня победы во Второй мировой. А это... так, война-то какая-то бессмысленная была.

— Но там ведь тоже люди... Они...

— А что они там делали? — подключился Миша. — Чего хотели? Молчишь? То-то же. Я тут читал в инете — очень распространённое мнение, кстати, — что делать героев из воевавших в Афгане ни в коем случае не надо. Они оккупанты такие же, как американцы, а может и хуже. Захватчики, по сути, убивавшие мирных жителей.

Захватчики... Популярное мнение в Интернете... Своей головой надо думать, особенно прежде чем бросаться такими заявлениями. Я собиралась сказать это, но слова застряли где-то в горле и никак не желали выходить наружу.

До Авроры Александровны мне не доводилось сталкиваться с ветеранами Афганской вой-

ны, поэтому не могу сказать, что сама хорошо разбираюсь в этой теме, но сейчас всё внутри восстало против. Очень легко рассуждать о действиях других людей, сидя в тёплой комнате далеко от любых опасностей. Только почему же вы забыли, дорогие, что есть такое слово — приказ. Вовсе не длинное, два слога, шесть букв. Оно ложится свинцовой печатью, и вкус его отдавал бы солёно-металлическим. Приказ, а дальше уже всё равно, что ты думаешь, хочешь или не хочешь, иди, делай. Приказ...

Только сейчас я поняла, что сижу и беззвучно шевелю губами. Наверное, это смешно выглядело со стороны. Миша и Настя что-то обсуждали между собой, Света смотрела на меня сочувствующим и понимающим взглядом.

Я откашлялась.

— Извините, мне нужно... Мне нужно. Конечно, встретимся в классе.

Я встала, обернулась и замерла. За учительским столом лицом к нам сидела Аврора Александровна. Чёрт! Нет, нет, нет. Может, она не слышала наш разговор? Но её взгляд не оставлял надежды. В нём читалась боль и обида.

Я хотела что-нибудь сказать или сделать, но Аврора Александровна уже встала и быстрым шагом двинулась к выходу из столовой. Ну всё, это последняя капля!

— Поздравляю, — бросила я друзьям. — Она всё слышала.

— Оль, прости нас, — смутилась Настя, — мы не хотели.

— Не передо мной надо извиняться, а перед Авророй Александровной.

Друзья синхронно посмотрели на выход из столовой. Надеюсь, теперь они будут думать прежде, чем что-то ляпнуть.

* * *

Конечно, друзей ждал выговор по всей форме, но этим они не отделались. На следующий же день я потащила их извиняться.

На переменке мы четвером пришли к кабинету ОБЖ. Я захватила чай со специями — пустяк, но вкупе с правильными словами, думаю, сможет подарить ей немного тепла. Дверь оказалась заперта. Я подёрнула ручку и с разочарованием отступила. Жалко. Очень жалко. Мне правда хотелось увидеть Аврору Александровну...

— Да ладно, не расстраивайся ты так, — Света погладила меня по плечу. — Подумаешь, в этот раз мы её не застали. Обязательно изви-

нимся завтра или на следующей неделе. У нас будет ещё много других шансов.

«Как же ты не понимаешь, нету никаких других шансов. Всё надо делать здесь и сейчас — говорить комплименты, просить прощения, дарить подарки... признаваться в любви. Потому что потом может уже и не наступить. Никогда». Но вслух я сказала:

— Да, конечно, придём завтра.

С первого раза я не сдалась, и на другой день мы опять отправились «замаливать вину перед Жрицей», как выразился Миша. Конечно, с новой кружкой чая. Удача улыбнулась нам — Аврора Александровна была в кабинете.

— Здравствуйте, — я протянула кружку. — Вот, это чёрный чай со специями. Тут имбирь, корица, кардамон... Хотите?

— Спасибо, но нет, — Аврора Александровна улыбнулась. — У меня давление.

— Понимаю, — вот, блин, дура, я об этом даже не подумала. — Э-э-э... Вообще мы по другому поводу. Тот разговор в столовой о... ну...

— О чём?

Учительница явно не понимала, что происходит. Я смутилась и не могла выдать ни слова.

— Об Афганской войне, — пришёл мне на выручку Миша. — Вы, кажется, слышали нашу беседу.

— Ах, да.

Аврора Александровна слегка поджала губы. Взгляд её сразу стал холодным, напряжённым.

— Мы понимаем, — продолжила Света, — что наши слова были как минимум бестактны, и...

— Простите нас, — закончила Настя.

— Не стоит. Правда, не стоит.

Мы переглянулись. Что ж, извинения принесены, а дальше решать ей.

— До свидания, — сказала я.

Мы пошли к выходу. Когда я уже была у двери, Аврора Александровна окликнула меня:

— Ольга!

Она немного помолчала, серьёзно глядя на меня, и сказала:

— Спасибо.

Я молча кивнула и вышла.

* * *

— Вау, какой букет! — воскликнул Миша, как только я вошла в кабинет. — Дай угадаю... Жрице?

Я с любовью посмотрела на цветы. Букетик был небольшим, но пышным, красивым, в солнечно-рыжих тонах и с палочкой корицы.

— Да, Жрице. Сегодня ведь Восьмое марта. Так что подарю ей после уроков.

— Держите меня семеро, какая роскошь, — не мог угомониться Тищенко.

— Р-руки! — шутливо-строго отбрила я. — Кстати, не хотите сходить вместе со мной?

— Зачем мы будем мешать? — съязвила Настя. — Лучше дадим вам побыть наедине.

— Ха. Ха. Очень смешно. Да ладно, ребят, думаю, ей будет приятно, что и другие ученики захотели её поздравить.

— А что, почему бы нет? — Миша пожал плечами. — Пойдём.

— Хорошо, — согласились подруги.

В класс вошёл учитель математики, и разговор пришлось прекратить.

После четвёртого урока мы отправились к Авроре Александровне. Мне уже было значительно проще общаться с ней, сердце колотилось не так сильно, слова не вылетали из головы. Поэтому я вполне спокойно протянула букет и сказала:

— С Восьмым марта! Это вам от нас всех.

— Спасибо, — Аврора Александровна приняла подарок. — Очень приятно. Может, хотите чаю? А то только вы меня вкусностями закармливаете. Надо же как-то отблагодарить.

— С удовольствием, — прежде, чем кто-нибудь из друзей успел даже пикнуть, ответила я.

— Поможете накрыть?

Мы вошли в кабинет. Я поставила цветы в воду, наполнила чайник. Настя и Миша доставали чашки. Аврора Александровна полезла за угощением и заваркой.

Когда чайник закипел, все устроились за партой. Аврора Александровна налила кипятка в чашки.

— Ещё раз спасибо за букет, очень красивый, — она потрогала тугой рулончик корицы. — А это что?

— Корица, — ответила я. — Понюхайте.

Аврора Александровна вдохнула аромат цветов и усмехнулась:

— Не чувствую. У меня проблемы с обонянием, нанюхалась раздражающего газа. Граната подтекала, вот я и вдохнула случайно. С тех пор запахи почти не различаю.

Мы переглянулись. Это был первый раз, когда Аврора Александровна рассказала нам что-то о своём военном прошлом.

— Кстати, сегодня женский день, — заметила Настя, кладя себе уже третий кусочек сахара. — Мог бы поухаживать за нами, дамами.

— Действительно, где мои рыцарские манеры, — согласился Миша, отодвигая коробку с сахаром на противоположный край парты.

— Э, что это значит?

— Всё логично — как истинный рыцарь, я не могу позволить тебе заработать сахарный диабет.

Настя треснула его ложкой. Аврора Александровна, с улыбкой взиравшая на это действие, неожиданно сказала:

— Знаешь, ты похож на Гришку Рыжего из моей части. Не внешне, скорее по характеру. Он такой же балагур был.

— Был? — с присущей ей непосредственностью поинтересовалась Настя. — Он погиб на войне, как ваш муж?

Я попыталась незаметно пнуть её, но, видимо, промахнулась.

— Ай! — воскликнул Миша. — Меня-то за что?

— Прости. Это предназначалось Насте.

— Ничего, — Аврора Александровна улыбнулась. — Всё нормально. Да, Гриша погиб. А Олег, мой муж, умер уже после возвращения на гражданку. У него начались проблемы с сердцем, и...

Она вздохнула. Некоторое время все молчали.

— Расскажите нам что-нибудь, пожалуйста, — тихонько попросила Света.

— Что вам интересно?

— Вам когда-нибудь снится... Ну... — Настя неопределённо качнула головой.

— Война? — правильно поняла Аврора Александровна. — Да. Почти каждую ночь. Я ведь была медсестрой, но, конечно, не всегда нам удавалось спасти раненых. Вот мне видятся лица погибших товарищей. Гришка Рыжий, Толя, Витя... Они умирают на моих руках. Снова, и снова, и снова, и снова...

Она сосредоточенно смотрела в чашку. Было видно, как тяжело ей даются воспоминания. Зря мы завели этот разговор.

— А во сколько лет вы попали на войну? — спросил Миша.

— В двадцать. Помню, как меня вызвали в партком и недвусмысленно напомнили о долге. Сначала я испугалась, не хотелось умирать. Тогда прислали разнарядку по месту работы, вызвали на комсомольское собрание и принялись стыдить. Мол, там идёт война, а ты, холостая да молодая, отказываешься выполнять свой долг. И я поехала. А как, как было не поехать? Если Родина просила меня об услуге, — Аврора Александровна вздохнула. — Да какая теперь разница. Сейчас говорят, что женщины

не воевали. Помилуйте, но как же так? Да, не все девчонки были в горах. Так и мужчин большинство дальше КПП носу не совало.

— А вы? — я не хотела ничего спрашивать, но любопытство пересилило.

— Участвовала ли в боевых действиях? Да. Я четыре года оттрубила медсестрой. И на боевых была не раз. А когда вернулась домой, нам заявили, что мы прохлаждались там. Девчонки ведь умирали наравне со всеми. Галю смертельно ранило при разрыве гранаты, Ира погибла при обстреле БТРа...

Она замолчала и глотнула чай. Руки у неё слегка тряслись.

— Помню, как в декабре попали с колонной в засаду возле Герата, — продолжила Аврора Александровна. — Нас было две девушки — я и Людка. И что? Схватились за автоматы наравне с парнями. Мне-то повезло, а подруга погибла. Вот... И так не только с женщинами. Всё, всё, что мы делали, похерено. Ой! — она прикрыла рот ладонью и засмеялась. — Извините, это было не педагогично. Разрушено.

— Нет! — взволнованно воскликнула Света. — Это не так, я уверена!

— К сожалению, так, — Аврора Александровна с горечью улыбнулась. — Нас считают не героями, а оккупантами.

— Простите.

Честное слово, первый раз вижу, чтобы Миша покраснел от стыда.

— Я не обижаюсь, — учительница похлопала его по ладони. — Ты ничего не знал. Но всё же... Помнишь, ты спросил у Ольги, что мы делали в Афганистане? Так вот, когда мы отправлялись туда, нам говорили про интернационалистический долг. И я верила в него. Пускай ехала вначале с неохотой, но мне было приятно, что могу быть полезна, и если уж умру, то не напрасно. А теперь... Я могу отправляться на помойку. Моя Родина больше во мне не нуждается...

Мы помолчали, потом Аврора Александровна принуждённо засмеялась:

— Что-то я совсем распустилась. Нарасказывала вам тут ужасов, загрузила своими проблемами по самые макушки. Ладно, у меня ещё дел много. Спасибо, что зашли.

— Вам спасибо.

Мы стали собираться. Друзья уже вышли в коридор, а я затормозила в двери. Обернулась, подошла к Авроре Александровне и... обняла её. Она ничего не сказала, но изобразила нечто похожее на ответное объятие. Потом я молча вышла.

Когда сошёл весь снег, я решила, что самое время навестить её. Дорога до Троекуровского кладбища заняла не так уж много времени. Проблемы начались уже по приезде туда.

Я вошла в ворота и остановилась, прижимая к груди букет белых роз. И что теперь? Передо мной большое пространство с совершенно одинаковыми дорожками и тропинками. Нельзя же блуждать здесь наугад. Мне нужны более чёткие указания.

— Простите, — я подошла к охраннику. — Где... — слово «похоронена» никак не хотело произноситься. — М. Г.?

Мужчина пристально смотрел на меня, будто решая, сказать или не сказать. Его взгляд был очень суровым. Я уже подумала, что меня пошлют, но он ответил:

— Участок 6в, напротив часовни. Там она.

Я поблагодарила и пошла по дорожке.

Так, участок 6в. Я остановилась и ещё раз огляделась. Ничего не понимаю. Битый час уже здесь хожу, но так нужную могилу и не нашла. Ладно, давай с самого начала. Вот участок 6а, 6б, дальше по логике вещей должен быть 6в, но нет, 6г. Бессмыслица. Как там говорил охранник? Напротив часовни? Ох, точно, да вот же она! Я перехватила букет и двинулась по дорожке. Надо постараться запомнить свой путь, чтобы в следующий раз не наматывать круги по кладбищу.

Её могила была совсем не примечательной. Никаких охапок цветов и гор плюшевых игрушек от скорбящих поклонников, никаких скульптур и прочих излишних украшательств. Только ваза с парой начинающих увядать букетов и строгий надгробный камень, на самом уголке которого сидела белая мраморная голубка.

Я подошла, попыталась поставить розы. Ваза была слишком далеко, и мне всё никак не удавалось достать до неё. Я поднималась на мысочки, тянулась изо всех сил. Вроде бы проще сократить расстояние, сделав шаг с асфальтированной дорожки. Всего один маленький шагочек, но это казалось мне чем-то кошунственным. Встать на этот пятачок травы фактически означало наступить на неё саму. После ещё пары бесплодных попыток я наконец догадалась обойти могилу сзади. Так, думаю, засохшие цветы можно убрать. Розы — в воду, надеюсь, они не слишком тяжелые. Стоим? Хорошо.

Я вернулась и села перед могилой на асфальт. Прикоснулась рукой к прохладному камню. Ладно, а что теперь? Некоторые общаются

с умершими, рассказывают им новости, делятся переживаниями. Может, мне тоже попробовать? «Здравствуйте». Глупо как-то говорить с куском камня. Я устроилась поудобнее, вздохнула: «Здравствуйте. Ну... вот, я здесь, как и обещала. Извините, что так долго не приходила. Да какая разница, вы меня даже не знаете... Ладно. С чего бы начать? Я принесла розы, белые. Как на все ваши спектакли, помните? Надеюсь, они вам нравятся, а то очень неловко бы вышло. Что ещё... В МХТ я больше не пойду, это точно. Да-да, понимаю, актёры умирают, их роли начинают играть другие. Но этого не должно было произойти. Не так. Не сейчас». Да, как-то не очень получается с общением. Я прикрыла глаза и попыталась просто представить её лицо. Голос, улыбку, как впервые увидела её на сцене, как подходила дарить цветы после каждого спектакля, как она коснулась моей руки, забирая букет... Не знаю, сколько так продолжалось, из раздумий меня вывели шаги за спиной.

Я открыла глаза и обернулась. По дорожке шли двое, мужчина и женщина лет пятидесяти. Они рассматривали надгробные камни и комментировали:

— Смотри, это Кваша! Не знала, что он здесь похоронен! А это не та самая актриса?

Они остановились рядом. Я бросила на них сердитый взгляд. Ни в какие ворота! Ведут себя так, словно пришли сюда на экскурсию. Эй, это вам не грёбанный музей!

— Точно, она, — подтвердил мужчина.

— Жалко её. Всё так внезапно произошло.

Я встала, отряхнула джинсы. Думаю, пора идти.

— Извините, — обратилась ко мне женщина, — вы её дочь?

— Что? Я... Нет.

Я отвернулась и быстро пошла прочь. Почему-то стало очень неловко. Интересно, с чего она вообще взяла, что я её дочь? Наверное, просто слышала про Анастасию, но не знала, как она выглядит, вот и подумала на меня. Мол, с чего бы чужой девушке сидеть на асфальте перед её могилой? В принципе, логичное предположение, но когда я в последний раз поступала логично?

Я была настолько погружена в раздумья, что не сразу заметила одинокую женскую фигуру, хотя нас разделял всего один ряд могил. Перед чёрным надгробным камнем стояла Аврора Александровна. Её взгляд был устремлён вперёд, казалось, она не видела ничего вокруг. Я замерла, стараясь не привлекать к себе внимания.

На надгробии была фотография мужчины в военной фуражке — тяжёлый взгляд из-под кустистых бровей, острые скулы, широкая челюсть. Дальше шла надпись: «Олег Павлович Ивановский. 1957–2010. Помним, любим, скорбим». Ивановский... Наверное, это её муж.

Аврора Александровна достала из сумочки две рюмки, небольшой пакет и фляжку. Сначала она разлила по рюмкам прозрачную жидкость — водка, судя по всему, — одну поставила на могильный камень, накрыв сверху кусочком чёрного хлеба, вторую немного подержала в руке и опрокинула залпом. Потом опять замерла. Губы её шевелились, будто она что-то говорила.

Я отвернулась. Создавалось ощущение, что мне довелось стать свидетелем очень личного ритуала, не предназначенного для посторонних глаз. Было в этом что-то от подглядывания в замочную скважину. К счастью, Аврора Александровна не заметила меня, и лучше бы уйти отсюда, пока она не обернулась. Думаю, им с мужем необходимо побыть наедине.

* * *

Мои действия приносили плоды — мы с Авророй Александровной становились ближе. Постепенно барьеры в общении исчезали, время, когда я могла при ней произнести лишь «яблоко — это яблоко», осталось позади. Мы подолгу разговаривали, сидя за чашкой чая в кабинете

ОБЖ. Только темы Афгана, словно по обоюдной договорённости, больше не касались.

К сожалению, мне удавалось заходить к ней далеко не так часто, как хотелось бы. Одиннадцатый класс, нужно было готовиться к экзаменам, поступлению. В общем, проблем хватало.

После выпускного я не перестала появляться в школе. Аврора Александровна всегда была рада меня видеть. Когда она ушла на пенсию, мы продолжали созваниваться. Я держала её в курсе всех жизненных изменений — как окончила институт, нашла работу, вышла замуж, забеременела.

Такую связь мы поддерживали довольно долго. Но однажды я узнала, что её больше нет. Эта новость, конечно, ошеломила меня, но не стала таким страшным ударом, ведь рядом был муж, друзья, с которыми мы общались со школы. Аврора Александровна оставалась жить в моём сердце. И не только.

Помню, как я впервые увидела свою дочь. Мне протянули маленький тёплый комочек, завернутый в пелёнку. Я осторожно приняла её на руки.

— Как назовёте? — поинтересовалась медсестра.

Я хотела сказать «Не знаю», ведь мы с мужем ещё не договаривались насчёт имени ребёнка, но потом посмотрела на лицо дочери, и слова так и не слетели с языка. Чёрные волосёнки, зелёные глаза, длинный носик...

— Аврора. Маленькая Жрица.